СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ

Девочка-Зеркало

или О котёнке, которому подарили себя

Константин Пуриков

Константин Пуриков

Девочка-Зеркало или О котёнке, которому подарили себя

https://litres.ru/74769094
SelfPub; 2026

Аннотация

Маленький рыжий котёнок с белой грудкой родился на тихом хуторе — и в первую же ночь жизни скатился с крыльца в сердце летнего ливня. Дождь смыл всё: запах мамы, родной чердак, кошачий паспорт. А наутро его нашла собачья псарня — и решила вырастить из него пса. По Своду Собачьих Добродетелей: приноси палку, гавкай вовремя, не смей быть собой.

Так рыжий стал Шариком — «неправильным псом», который всё делает не так: приносит вместо палки дубовый лист, жмурится на солнце и молчит, когда положено лаять. Чем усерднее он учится быть псом, тем глубже увязает в чужих диагнозах. Он почти поверил, что так и надо, — пока летом на хутор не приехала девочка Варя с зеркальцем на ручке. Она не приказывает ему быть собакой. Она умеет смотреть не на колтуны — сквозь них. И дарит ему самый редкий подарок на свете: его самого.

Повесть о том, чем «быть удобным» отличается от «быть собой» — для семейного чтения вслух: одна-две главы за вечер, финал, после которого хочется обнять своих котов и собак.

Содержание

Глава 1. Ливень 5
Глава 2. Будка 10
Глава 3. Свод. Статья первая. Палка 14
Глава 4. Свод. Статья вторая. Кость 18
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Константин Пуриков
Девочка-Зеркало
или О котёнке, которому подарили себя

Глава 1. Ливень

На маленьком хуторе случилось трагедия, похожая на чу-

до.

Хутор стоял над лугом. Внизу шумела речка, название которой знали только местные, и всё равно каждый называл её по-разному; за лугом темнели стога. Дым над трубой пах грибами и сушёными яблоками — так пахнет лето, которое готовилось смениться осенью.

А в стороне от дома, у амбара, стояла псарня деда Павла: две будки, навес и столб с цепью, на которой жил старый пёс Полкан.

На чердаке дома, в старом плетёном коробе, у кошки Дымки жил один котёнок — рыжий, с белой грудкой, будто кто-то пролил на него каплю молока и забыл стереть. Дымка была серая, тихая, как вечер над лугом: она умела ходить так, что даже половицы забывали скрипеть. Котёнок только-только открыл глаза и уже был уверен, что весь мир — это тёплое лежбище, запах молока и мамина шёрстка. Когда научился ходить — пошёл сразу в дальний угол чердака. Когда запутался в мамином хвосте — выпутался сам. А когда все спали, он ещё долго сидел и смотрел в щель между досками, где в квадратике летнего света ходил огромный, недоделанный мир.

В ту летнюю ночь дверь на чердак была приоткрыта. Дымка спустилась на крыльцо — к блюдечку молока, которое Тома, хозяйка, оставляла там на ночь. Котёнок шевельнулся. И рыжий, не спросив ни у кого разрешения — потому что ещё не знал, что есть у кого спрашивать, — шагнул к порогу.

Ступенька была мокрая. Небо наливалось свинцом, и первая капля упала ему на нос — холодная, чужая, незнакомая. Он потянулся понюхать новый мир поближе — и ступенька ушла из-под лап.

Он поскользнулся, покатился, стукнулся о ступеньку боком, ещё раз — лапами — и кубарем скатился с крыльца в самое сердце летнего ливня.

Ливень обрушился разом, как будто стоял за облаками и ждал именно его.

Ливень был не просто водой. Он был стиральной машиной для личности. Он смыл с котёнка его кошачий паспорт — запах матери, молока, родной пыли. Смывал медленно и деловито: сначала молоко, потом дым чердака, потом тёплый бок Дымки. Оставил его стерильным чистым листом, на котором чужая стая вот-вот напишет свою, иную историю.

Он звал маму — так, как зовут котята, не зная слова: тонко, изо всех сил, всем тельцем. Но ливень не позволял — заливал голос в горло, глотал звук, и мир не слышал ничего, кроме дождя. Вода несла его по борозде, как несёт щепку. Он цеплялся за травинку — травинка уходила из лап. Он карабкался на камень — камень был скользкий. Вода протащила его мимо поленницы дров, под воротами, через лужу — для него с океан, — вынесла на чужой двор и оставила там. Хутор, который днём был квадратиком света на чердаке, оказался огромным: дворы, заборы, канавы, стога — и нигде ни одного знакомого запаха. Он был потерян.

А потом вода ушла в землю, небо выдохло, и стало тихо. Тихо так, как бывает только после больших дождей. Первой очнулась птица — попробовала один звук, второй и завела свою песню с того места, где оборвала. За ней откликнулась вторая. Дрогнула трава: стрекозы смахнули с крыльев капли и поднялись над полями, стеклянные, светлые, — мир оживал медленно, как ни в чём не бывало, будто ничего и не терялось.

Котёнок лежал в чужой мокрой траве — крошечный, продрогший и совершенно безымянный. Ничто вокруг не пахло им. И он не пах ничем.

А на чердаке не спали. Дымка носилась по саду вдоль и поперёк, звала тем единственным голосом, который у кошек для этого есть, — тонким, режущим, как проволока. Утро не отвечало. Она обнюхала каждый куст, каждый камень, каждую доску крыльца. Ступенька была мокрая. След был горячий и короткий — и дальше обрывался, как нитка.

С той ночи Дымка начала каждый вечер нюхать воздух. Но это было потом. А тем утром она сидела на мокром крыльце, и вода на её усах не могла быть дождём, потому что дождь давно кончился.

Инстинкт тем временем вёл котёнка сам, без его ведома. Нос уловил из темноты что-то тёплое — так утопающий ловит соломинку. Он пополз на это тепло, как мотылёк на свет.

Тепло привело его к старой собачьей будке у амбара, откуда веяло молочным запахом щенков. Он вполз внутрь и

прижался к живому, сопящему клубку, став его немой, дрожащей частью. Он протиснулся в самый центр клубка, нашёл ямку между чужих боков и исчез в ней, как камешек в гнезде.

Он уснул там, где спать ему было не положено. А утром псарню ждало открытие — и вместе с ним первое имя.

Глава 2. Будка

Ночь после ливня пахла мокрой землёй и молоком.

Внутри будки было темненько, тесненько и очень сонно. Щенки спали в куче, дышали вразнобой, и от этой разноголосицы по будке шла волна тепла — та самая, которую котёнок поймал носом ещё в траве.

Найда, мама щенят, проснулась один раз за ночь. Она лежала на страже — как лежала всегда, сколько себя помнила, — и вдруг ощутила носом лишнее тепло. Она принюха-

лась: дождь, трава, щенки... и что-то ещё. Что-то, чего здесь не было утром и что не влезало ни в один собачий порядок. Найда долго смотрела в темноту. Потом вздохнула — и заслонила найдёныша своим боком от холодной стены.

Так решаются собачьи вопросы: сначала тепло, потом категория.

Наутро щенята, проснувшись, обнюхали странного, мокрого, в рыжей шёрстке, не похожей на собачью, но такого маленького и беззащитного «брата». Он пах дождём и... ими. И они приняли его.

Найда приняла его не сразу. Она обнюхала его долго и внимательно, как нюхают всё, что влезло в будку без спроса. Он пах её щенками, их молоком — и ещё чем-то, очень старым, знакомым ей с самого раннего детства, чем она не нюхала уже много лет. Найда долго молчала. Потом произнесла:

— Наш, — таким голосом, что подслеповатые щенята сели. — Раз наш — будем воспитывать.

А когда щенки отошли, он снова почувствовал холод — солнце ещё не встало как следует, — и сделал то, что делал на чердаке каждое утро: свернулся в шарик. Он поджал все четыре лапки, накрыл хвостиком нос и стал почти идеально круглым.

— Глядите! — закричала Бусинка первая. — Шар!

— Это не шар, это клубок, — важно сказал Гром.

— Шарик! — Кузя обрадовался так, будто придумал что-

то великолепное и уже навсегда. — Пусть будет Шарик!

Так у него появилось имя — из собачьей радости, из круглого холода, из утренней возни. Собаке нужно имя, как ошейник: надел — и живи. И он стал Шариком.

К полудню на псарню пришёл дед Павел — с ведром, с кастрюлей, с вечным своим «накормить, напоить, проверить». Он заглянул в будку, перестал улыбаться и прищурился.

— Кот? — сказал он так, будто слово было ругательным. — В псарне?

Он потянулся к будке — таких у крыльца не держат, — но Найда встала между. Не рыкнула — просто встала, и это было страшнее рыка, хоть и Найда не рычала никогда.

Дед Павел посмотрел на неё, на шарик-комочек, снова на неё. Тёр свои колени, которые ныли после дождя, и думал о чём-то своём, охотничьем.

— Пусть, — сказал он наконец. — Но пусть тоже служит. Пока мышей ловит. Мыши в амбаре — это не служба, это беспорядок.

Старый Полкан на своей цепи фыркнул так, что в мисках зазвенело. Он был самый старший, седой в морде, с цепью, потёртой до благородного блеска, и говорил редко, но так, что все слушали.

— Кот в псарне, — сказал Полкан. — Ну и ну.

— Воспитаем, — сказала Найда.

Воспитывать начали в тот же день. Найда собрала щенков перед будкой, как учитель собирает класс, и произнесла сло-

ва, которые знал наизусть весь хутор, все собаки хутора и, наверное, все собаки на свете:

— Вера без дел мертва. Докажи веру — принеси палку.

Котёнок не понял ни слова. Но щенята слушали, навострив уши, — и он тоже, слушался.

Так началась его жизнь в плену добрых намерений.

Глава 3. Свод. Статья первая. Палка

Из Свода Собачьих Добродетелей. Статья первая. Вера без дел мертва. Докажи веру — принеси палку.

Лето кончалось тихо и вкусно: яблоки падали уже сами, ложками стукались о землю, и весь хутор пах сидром, которого пока не сварили. По утрам на траве появились первые опавшие листья — рыжие, как он сам. Осень на хуторе начиналась не с календаря, а с первого листа.

Урок палки начался в самый первый такой день. Гром достал свою первую палку — обыкновенную, с сучком, зато свою — и продемонстрировал мастер-класс: взял, понёс ровно, голову держал гордо, отдал в руки Найде и сел, как сидят награждённые.

— Понял? — спросил Гром у Шарика. — Теперь ты.

Шарик посмотрел на палку. Палка была серая, прямая и бессмысленная. В ней не было ничего — ни запаха, ни игры, ни тайны. Палка казалась ему скучной и неудобной.

Он хотел быть правильным. Он побежал искать служебный предмет со всей серьёзностью, на которую был способен, — и вернулся. В зубах у него был сухой дубовый лист.

— Это что? — спросил Полкан.

— Это... — сказал Шарик, потому что объяснить словами было нечем. Ему казалось, это красиво.

Лист был ровный, с прожилками, цвета осени. Он летел, когда несёшь его, — как живой.

Псарня смеялась добродушно, как смеются над маленькими. На следующий день он принёс перо — голубиное, переливчатое, такое гладкое, что хотелось тереться о него щекой. Смех был уже не такой добродушный.

— Красота не служба, — подытожил Полкан и посмотрел на Найду: твой воспитанник, тебе и решать.

Найда вечером не ругалась. Она лежала рядом с ним и вздыхала, как вздыхают взрослые, которые уже всё поняли, но не знают, как объяснить.

— Ты можешь, — сказала она. — Ты просто не старался.

И он старался. Он честно пытался принести палку в тот же вечер: взял, понёс три шага, выронил, взял снова. Палка валялась у него в зубах, как чужой язык, — говорить ей было нечем, и ей нечего было говорить ему.

Кузя подошёл, когда все ушли спать, и посмотрел на лист, который Шарик спрятал под будкой, — на всякий случай, как самое ценное.

— А мне нравится, — прошептал Кузя с сочувственной готовностью предательства. — Оно летело как живое.

Ночью Шарик вылизал шёрстку до шелковистого блеска, привычно и утешительно, как делают все коты на свете, и впервые подумал, что, может быть, дело не в палке. Может, дело в нём.

Дед Павел тем временем начал собираться на охоту — заранее и вслух. Ружьё он вытирал на крыльце, долго и любовно, как старики протирают самовар. Полкан лежал у столба и смотрел на это ремесло обоими глазами. Найда крутилась под ногами и в уме уже надевала ошейник для службы — парадный, с бляхой.

— На охоту! — сказал дед Павел в утро после первой принесённой палки, — и псарня взорвалась.

Щенки рванули за ним через двор — все, кто умел ходить, — и Шарик бежал тоже, позади всех. У самой калитки дед Павел посмотрел вниз, на рыжее, и вздохнул.

— А ты, товарищ, домой. Охота — не твоё.

— Он с нами! — наперебой закричали щенки.

— Охота для псов, — сказал Полкан с цепи, без злобы, как говорят законы. — Дома своя служба, на охоте своя.

И Шарик остался за калиткой. Он подбежал к Полкану — тот сидел на цепи и провожал стаю глазами.

— Почему меня не взяли? — спросил Шарик.

— Для охоты годен пёс, — сказал Полкан так же беззлобно, как говорят законы. — Нюх у тебя есть, а хватки нет. Голос будет — а не тот. Ты у меня, рыжий, для службы непригодный. Так и запиши: негодный.

И Шарик впервые в жизни понял, что существуют годные и негодные. Ранка была маленькая и точная, как заноза: негоден.

Глава 4. Свод.
Статья вторая. Кость

Из Свода Собачьих Добродетелей. Статья вторая. Закопай кость на чёрный день!

После охоты в псарне наступал праздник: дед Павел выносил псовым кости — большие, с хрящом, пахнущие дымом и делом. В такие вечера даже Полкан позволял себе лежать, а не сидеть, и щенкам доставались обглоданные мирные кости, от которых пахло чувством выполненного долга.

Гром совершил свой обряд с первой же костью. Он выкопал ямку — аккуратно, как по линейке, — положил кость, засыпал, утрамбовал носом и сверху ещё подвалил кусочек дёрна, чтобы место было незаметное. Потом отступил и полюбовался.

— Зачем? — спросил Шарик. — Она же такая вкусная!

— Запас — это вера в завтра, — сказал Гром с таким достоинством, будто сам придумал эту мысль, хотя услышал её от Полкана, а Полкан — от пса, который сидел на этой цепи до него. — Кость сегодня — это просто кость. Кость в земле — это запас. Это собственность. Это значит, что у тебя есть завтра.

— А завтра косточка станет вкуснее?

— Она станет твоей, — отрезал Гром. — Разница огромная.

Разницы Шарик не увидел никакой. Кость, закопанная в землю, переставала пахнуть, а не пахнущая кость была всё равно что камень. Зачем откладывать счастье, если его можно съесть сейчас? — эта мысль была для него не соблазном, а единственной понятной логикой на свете.

Но он хотел быть правильным. Поэтому вечером он закопал свою кость — неуклюже, на виду, потому что тайных мест не знал, — и сел рядом сторожить счастье.

Счастье лежало под землею и звало.

Звёзды были в этот вечер огромные, как никогда. Сверчок за амбаром играл что-то тягучее. Шарик сидел над своей

ямкой и смотрел, как темнота постепенно съедает двор, — и внутри у него всё было устроено правильно, как у пса, а голод говорил по-котьему.

К полуночи он выкопал кость и съел её — кость была маленькая, мягкая, почти рассыпчатая, та, что доставалась ему, самому маленькому. Съел с наслаждением, с почерком, со всеми обертками: косточка была горячая от земли и вдвое вкуснее оттого, что запрещённая. Потом ещё довольно потоптался и лёг спать счастливым.

А утром пришёл стыд.

Это было новое чувство. Раньше он знал мокрое, холодное, страшное — это всё было снаружи. Стыд был внутри, похож на камешек в желудке. Гром ещё не проснулся, а Шарик уже не знал, куда девать глаза. Он посмотрел на ямку — ямка была пустая и очень заметная, как кричащий рот.

— А где косточка? Закопал? — спросил проснувшийся Гром — и был уже готов гордиться: сам научил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.